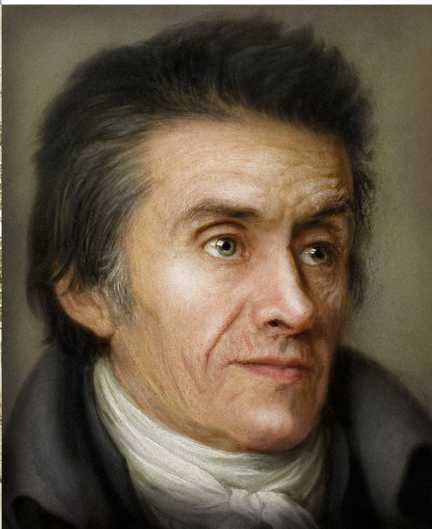

ПЕСТАЛОЦЦИ

Андрей
Максимов

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Андрей Маркович Максимов
Песталоцци. Воспитатель
человечества

**Серия «Жизнь замечательных
людей», книга 1942**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69490237

Песталоцци. Воспитатель человечества: Молодая гвардия; Москва;

2023

ISBN 978-5-235-04769-3

Аннотация

Иоганн Генрих Песталоцци (1746–1827) – великий швейцарский педагог, философ, писатель. Созданные им педагогические системы не просто актуальны для нашего времени, но опережают его. Песталоцци – создатель методов, которые сегодня каждый родитель может использовать в воспитании своего ребенка. Автор книги Андрей Максимов постарался рассказать не только о системе, но о совершенно невероятной, авантюрной, полной падений и взлетов жизни швейцарского гения.

Содержание

Предисловие	5
Часть первая. Дом	21
Нелирическое отступление № 1	41
Конец ознакомительного фрагмента.	46

A handwritten signature in black ink, appearing to read 'А. М. Максимов', with a large, decorative flourish at the end.

Андрей Максимов
Песталоцци. Воспитатель
человечества

© Максимов А. М., 2023

© Издательство АО «Молодая гвардия», 2023

*Памяти моей мамы – Антонины Николаевны и отца –
Марка Давыдовича, – с любовью.
Навсегда...*

Предисловие

Здравствуйте, дорогой читатель, взявший в руки мою книгу!

Спасибо за интерес!

Поговорим?

Как, наверное, почти всякий человек в России, я с детства читаю издания серии «Жизнь замечательных людей» («ЖЗЛ»). Признаюсь, что, написав за свою жизнь более полусотни книг, к этой я приступал с особым волнением: пиетет перед этими тремя буквами – ЖЗЛ – велик.

Мне всегда казалось, что книги серии – это своего рода учебники жизни. Вот так. Безо всяких кавычек. Ты читаешь биографию и понимаешь, как на самом деле можно строить свою судьбу.

Жизнь Иоганна Генриха Песталоцци – человека, который умел любые препятствия и даже неудачи превращать в трамплины для нового прыжка – в этом смысле пример замечательный.

Этот великий педагог прожил жизнь, достойную авантюрного романа. Он строил школы, откуда его выгоняли, но он созидал новые; от тоски и безденежья ему пришлось стать одним из самых знаменитых писателей Европы, после чего, с всеевропейской славой за плечами, он пошел работать –

внимание! – помощником учителя; он спорил с Наполеоном, не убедил его, но остался жив; он спорил с Александром I и заслужил от российского императора орден; он, кажется, счастливо прожил всю жизнь с одной женщиной; он стоял со своими учениками в чистом поле, заметаемый снегом, потому что ему совсем некуда было идти; и он создал учебное заведение, куда за честь считали заглянуть самые знаменитые люди его времени, включая императоров...

И это – самая малость всего того, что происходило в его жизни!

Это был, без сомнения, великий человек. Авантюрный человек. Невероятный человек. Человек – единица. Похожих нет.

Главное дело Иоганна Генриха Песталоцци – образование.

Прошло уже почти 200 лет со дня его смерти, а мы по-прежнему любим это слово. Вот все твердим: «Образование... Образование... Реформа образования... Школьное образование... Система образования... Новости образования...»

А что это, собственно говоря, значит: «образование»? В чем смысл этого привычного слова?

Образование – значит возникновение, не правда ли?

Ну, там: возникновение партии, или урагана, или новых отношений, или новых проблем, или радостей...

В сущности, возникнуть может буквально что угодно: от скандала до... человека.

Понимаете, какая история получается: образование человека – это возникновение человека.

Как *образовался*, – таким и *возник*.

Нам-то все кажется: образование – это вбивание в голову бедных детей чего-то такого, что мы, взрослые, считаем важным. Но образование – не цель, а средство – средство, с помощью которого возникает новый человек.

Дальше – больше.

Каким образовался человек, таким в конечном счете образовался и наш мир. Ведь мир – это то, что возникает в результате созидания людей, которые в нем живут.

В школах привычно ставят оценки за полученные знания.

Оценки за то, каким создался (создал себя) человек, ставит жизнь. Больше никому.

Люди всегда имеют ту жизнь, которую заслужила система образования людей.

Я хочу рассказать вам о человеке, который был убежден: педагогика есть самое главное дело на свете. Потому что она образовывает человека и, таким образом, создает мир.

Звали человека Иоганн Генрих Песталоцци.

По профессии – писатель, философ, педагог.

По сути – гений.

Его называют «воспитатель человечества».

Справедливо. Но все-таки излишне оптимистично, доло-

жу я вам. Если бы мир, действительно, прислушался к Песталоцци, если бы его система образования была более распространена (хотя школы по его системе работают практически во всех странах мира, в том числе и у нас) – то возникло бы больше свободных, уверенных в себе, осознающих свое призвание людей.

И мир, таким образом, стал бы лучше.

Если вам кажется, что я преувеличиваю, – спорить не стану. Просто предлагаю вернуться к этому выводу в конце книги, после того как вы узнаете о жизни и взглядах нашего героя.

Песталоцци создал уникальную систему, совершил несколько принципиально важных педагогических открытий. Но он не был теоретиком. О нет! Песталоцци на практике доказал правильность своей системы и жизнеспособность своих открытий.

Несмотря на немыслимые, иногда кажется – просто нечеловеческие трудности, наш герой построил несколько учебных заведений, работавших, естественно, по его методике. Подчас складывается мистическое ощущение, будто Песталоцци обладал неким тайным знанием воспитания человека и, как бы ему ни мешали, – нес его людям.

Важно, что педагоги, которые видели, как работает система швейцарского гения, по-другому преподавать уже не могли. Таким образом, методика начала распространяться уже при жизни ее создателя.

Для меня безусловно, что Иоганн Генрих Песталоцци знал тайну образования человека. Мы попробуем ее если не разгадать, то хотя бы приблизиться к ее постижению.

Иоганн Генрих Песталоцци, как мы уже сказали, был и философом, и писателем, причем в свое время – одним из самых признанных и известных в Европе. Однако в мировой истории он остался как гений педагогики.

Вы никогда не задумывались над тем, что в истории человечества очень мало великих педагогов? Их намного-намного меньше, нежели великих политиков или писателей, композиторов или ученых, спортсменов или врачей...

То есть наш герой принадлежит к единицам.

В знаменитой серии «ЖЗЛ» – это всего лишь третья книга, посвященная педагогам. Причем первая рассказывала тоже о Песталоцци, вторая – о Константине Дмитриевиче Ушинском, она выдержала несколько переизданий.

Однако даже те педагоги, которых мы признаем великими, редко создавали собственные новые системы образования человека, которые выдержали бы испытание временем, и их можно было бы использовать через века.

Скажем, я обожаю Януша Корчака – достойнейшего человека, подлинного героя, поразительного педагога и писателя. Я считаю, что каждый родитель просто обязан прочесть его книгу «Как любить ребенка». Корчак интересно и мудро пишет о том, как должны выстраивать отношения дети и взрос-

лые. Однако мы должны признать: никакой новой системы воспитания у него нет.

А у Песталоцци есть.

Свою систему воспитания он называл: «метод природосоответствия». Суть его описывал кратко и четко: «Самое существенное в методе состоит в том, что он пробуждает в ребенке сокровеннейшие задатки, какие только у него имеются»¹.

Представляете, что умел делать этот педагог и чему учил других?

Он изучал ребенка, открывал то, что заложено в нем Богом (кому удобнее – Природой), и развивал именно это.

Ребенок – это эскиз, созданный Богом (Природой). Песталоцци знал, как создать из него прекрасную картину.

Как?

Элементарно. На простейших примерах. На всем том, что ребенок не вычитывает в книжках, но видит вокруг себя. Песталоцци искренно полагал, что червяк или бабочка может научить большому, чем любой педагог.

Поэтому свою систему образования наш герой называл – элементарной.

Надо сказать, что немногочисленные гении педагогики от-

¹ *Песталоцци И. Г. Избранные педагогические сочинения: В 2 т. / Под ред. В. А. Ротенберг, В. М. Кларина. М.: Педагогика, 1981 (Педагогическая библиотека). Т. 2. С. 117.*

носились к наследию Песталоцци с огромным почтением. Например, основатель русской научной педагогики Константин Ушинский назвал идею об элементарном обучении «великим открытием Песталоцци»². Не каким-нибудь – великим!

Януш Корчак, томясь в Варшавском гетто, думал о создании двух книг (об этом есть запись в его дневнике): первая – о Песталоцци, вторая – о Леонардо да Винчи. Вот чьи судьбы Корчак ставил рядом. Вот чьи жизни волновали человека, находящегося в шаге от гибели. Он хотел спастись размышлениями о Песталоцци так же, как во время Первой мировой войны спасался раздумьями о детях: книга «Как любить ребенка» была написана на фронте.

Корчак вообще глубоко почитал нашего героя: начав свою педагогическую деятельность, он специально отправился в Швейцарию, чтобы побольше узнать о методе Песталоцци, и потом использовал многие выводы швейцарского гения в своей работе с детьми.

Интересно то, как менялось отношение к Песталоцци в нашей стране за годы советской власти. Ведь Песталоцци – основатель народных школ, педагог, который помогал беспризорникам и сиротам. Поэтому поначалу в СССР его при-

² Ушинский К. Д. Собрание сочинений: В 11 т. / Гл. ред. А. М. Еголин; авт. вступ. ст. В. Струминский. М.; Л.: Изд-во Академии педагогических наук, 1948–1952. Т. 3. С. 95.

знавали.

Метод Песталоцци использовал в своей работе с беспризорниками еще одна педагогическая знаменитость: Антон Семенович Макаренко.

Одна из первых книг серии «ЖЗЛ», под редакцией М. Горького, Мих. Кольцова, и А. Н. Тихонова, была посвящена нашему герою. Вышла эта до сих пор самая полная биография Песталоцци в год рождения «ЖЗЛ» – 1933-м: «выпуск V–VI». Издание одобрили члены редколлегии знаменитой в будущем серии, а среди них кого только нет! Академик С. И. Вавилов, профессор И. Э. Грабарь, А. В. Луначарский, профессор О. Ю. Шмидт, Н. А. Семашко, Н. В. Крыленко и другие советские знаменитости.

Написал биографию Песталоцци профессор Альберт Петрович Пинкевич. Думаю, будет справедливо и правильно, если во второй биографии швейцарского гения мы скажем несколько об авторе биографии первой.

Альберт Пинкевич родился в 1883 году в семье польских дворян. Однако, как и многие дворяне, царизм презирал и пытался с ним бороться. За это дважды был изгнан из Казанского университета. Революционная биография не помешала Пинкевичу работать педагогом сначала в провинции, потом – в Санкт-Петербурге.

Февральскую, а затем и Октябрьскую революции 1917 го-

да, разумеется, принял восторженно и деятельно. Преподавал. Потом начал создавать высшую школу нового государства: сначала 3-й Петроградский педагогический институт, а затем – Уральский университет.

Короче говоря, был активным педагогом-практиком, доктором педагогических наук, профессором. За его деятельность в 1935 году Пинкевича наградили персональным автомобилем, а в 1937-м – репрессировали и расстреляли.

Биография Песталоцци, написанная Пинкевичем, конечно, очень политизирована. Автор анализирует героя, родившегося в середине XVIII века, только с одной позиции: насколько тот «народен». Поэтому Пинкевич, скажем, всячески приветствует создание нашим героем народных школ и искренно расстраивается за Песталоцци, что тот не отказался получить награду из рук российского императора.

Но я очень благодарен Альберту Петровичу за то, что он столь серьезно изучал биографию моего героя. Многие факты из его книги я с удовольствием использовал.

Советская власть видела в Иоганне Генрихе Песталоцци лишь педагога, который создавал народные школы и чей опыт работы с беспризорниками можно использовать. Она не желала замечать универсальности его метода и возможности его использования в обычных школах применительно к обычным детям.

Чем менее актуальным становился вопрос о воспитании

беспризорников, тем менее интересным становился наш герой для советской власти.

Дошло до того, что в «Педагогической энциклопедии», вышедший в свет в 1966 году, было сказано, что при рассмотрении метода природосоответствия с позиций марксизма-ленинизма (напомню, что ни с каких иных позиций в те годы ничего не рассматривалось) выясняется, что данный метод не может иметь никакого отношения к науке в силу своей идеалистической сущности³.

На самом деле, основное противоречие между взглядами Песталоцци и марксизмом-ленинизмом очевидно. Тут ведь одно из двух: либо человеком должно руководить то, что заложено в нем природой; либо «партия – твой рулевой», популярный лозунг того времени. Партия или природа.

К тому же основной посыл Песталоцци: только свободное воспитание детей, когда ученик не чувствует себя рабом учителя, может образовать счастливых и свободных людей. А это уж, разумеется, совсем не близкий советской власти подход к *образованию* людей, послушных партии.

Большевики не стали вычеркивать Песталоцци из истории педагогики, они просто трактовали его наследство так, как им казалось правильным.

Надо признать, что в СССР были изданы некоторые про-

³ Подробнее см.: Харьковская Г. А. Природосообразность как теоретическая основа воспитания: Исторический аспект // <https://www.dissercat.com/content/prirodosoobraznost-kak-teoreticheskaya-osnova-vospitaniya-istoricheskii-aspekt>

изведения нашего героя, которые, признаемся, неподготовленному читателю осилить очень непросто. Как создателя народных школ его изучали в педагогических вузах.

В наше время ситуация не сильно изменилась. Имя Иоганна Генриха Песталоцци известно всем, кто хотя бы немного интересуется педагогикой. Суть его открытий и методики знают немногие.

Я довольно давно увлекся наследием швейцарского гения, и все это время – лет десять, если не больше, выступая в школах, я непременно спрашиваю учителей: «Вы знаете, кто такой Песталоцци?» Ответ: «Да». «Вы знаете, в чем суть его открытий?» За это время ни один российский педагог – повторяю: ни один! – не смог мне объяснить этой сути. Никто не знает ни об элементарном образовании, ни о методе природосоответствия.

Я совершенно убежден: понимание абсолютно невероятной судьбы Песталоцци и его открытий в области педагогики может быть интересно всем любознательным людям, но в особенности тем, кто интересуется вопросами практической педагогики. Я имею в виду не только учителей, но и пап-мам, дедушек-бабушек. Поверьте: Песталоцци – уникальный советчик в деле общения с детьми. Его взгляды не только не устарели, а, кажется, наоборот: сильно обгоняют сегодняшнее образование.

Конечно, моя задача как биографа – постараться постичь

судьбу совершенно невероятной личности. У меня нет цели: подробно проанализировать его педагогические открытия и его метод. Однако понять его личность, его взгляды, наконец, его душу – без его книг, как вы понимаете, невозможно.

И тут появляется вопрос. Он всегда возникал у меня, когда я читал книги этой замечательной серии: «Насколько можно верить тому, что автор пишет о своем герое? Что тут правда, а что фантазия?»

Наверное, люди, работающие в жанре биографии, этот вопрос давно для себя решили, а передо мной он встал с первозданной силой, когда я сел писать о Песталоцци.

Тогда пришлось отвлечься от компьютера и постараться вспомнить, какие книги серии «ЖЗЛ» оказали на меня самое сильное воздействие. Оказалось, что таких биографий две.

Вообще, хороших книг из знаменитой серии «ЖЗЛ», разумеется, в разы больше, но я – о тех, что были прочитаны в юности, то есть в ту пору, когда книжное слово еще не утратило способность диктовать тебе жизненные ценности, помогающие строить собственную жизнь.

Это книги Ричарда Олдингтона о Стивенсоне и Михаила Булгакова о Мольере.

Что в них – правда, а что – вымысел?

А что правда и что вымысел, когда мы рассказываем кому-то о встрече, случившейся какую-то пару дней назад?

В общем, мы не врем, правда? Только вот тут чуть сместил акценты, тут что-то прибавил для красоты рассказа, а вот тут недосказал, дабы не портить общего впечатления. Мы ведь не предлагаем слушателю документальный рассказ о прошедшей беседе, но передаем наше общее о ней представление. Не так ли?

Когда пишешь о человеке, который родился больше двух с половиной сотен лет назад, ручаться за абсолютную «химическую точность» нельзя. Да и кто ее, эту точность анализа, может определить? Кто достоверно знает, как всё тогда было?

Конечно, в этой книге, скорее, – мое представление о человеке, которого я ощущаю как близкого и любимого друга. Все выводы, разумеется, основаны на фактах, а факты – на источниках. Но при этом я прекрасно понимаю: другой автор понял бы Песталоцци по-другому и написал бы о нем иначе.

У Пинкевича и у меня Песталоцци – разный, хотя мы пишем об одном человеке и, более того, используем одни и те же факты.

Литература о Песталоцци на русском языке весьма скудна. Но зато есть главный источник: книги нашего героя. Учитывая, что за свою жизнь этот педагог написал – внимание! – 16 томов, переведено не так уж и много. Но основные произведения существуют.

А Песталоцци всегда писал, я бы сказал, – очень личност-

но. Автор в его книгах не прячется, его всегда легко разглядеть. Что, конечно, упрощает задачу понимания его личности.

Не сравниваю себя, разумеется, ни с Олдингтоном, ни с Булгаковым, но не могу не размышлять над тем, почему все-таки именно их биографии повлияли на меня столь сильно. Я узнал много нового, получил большой объем информации? Без сомнения. Но больше всего, конечно, меня поразило знакомство с удивительными людьми.

Скажем, судьба и личность практически неведомого мне до книги Олдингтона писателя Роберта Льюиса Стивенсона произвела на меня такое впечатление, что я немедленно перечитал все его произведения, а потом даже написал о нем книгу для подростков, за которую получил одну из первых в своей жизни литературных премий.

Итак, моя задача – познакомить вас, дорогой читатель, с человеком, которого я воспринимаю как старшего друга, чтобы в вашей голове (а лучше – еще и в душе) остался его удивительный образ.

Ведь Иоганн Генрих Песталоцци – человек, рядом с которым жить легче и понятнее.

Иоганн Генрих Песталоцци – и педагог, и философ. Полагаю, эти две профессии связаны неразрывно: человек, который серьезно относится к воспитанию детей, не может не размышлять о сущности человека и его месте в мире.

Размышления по этому поводу швейцарского гения глубоки, интересны и оригинальны. Убедимся в этом позже.

Но самое поразительное, – насколько они актуальны. Честно говоря, это даже немного обидно: проблемы воспитания за два века не изменились вовсе.

«Я нахожу, что воспитание, каким оно в действительности является, повсюду представляет из себя невероятный хаос беспринципности и отсутствия психологического подхода. Воспитание, каким оно является повсеместно, располагает избытком приемов для осуществления *отдельных* (курсив мой. – А. М.) целей, но ему повсюду недостает основных средств воспитания всего человека»⁴.

Это – Песталоцци. Как вам? Ощущение, что написано сегодня и про нас. Хотя словам этим две сотни лет.

Я не знаю, почему педагогические проблемы остаются неизменными на протяжении веков. Наверное, по этому поводу можно написать целый трактат. Равно как и о том, почему мир так жаждет, чтобы новые люди образовывались вопреки открытиям великих педагогов.

Однако большинство из нас – папы-мамы или бабушки-дедушки – и у нас есть выбор: прислушаться к Песталоцци или нет. Разговор со швейцарским гением для нас не может быть неважен.

⁴ Песталоцци И. Г. Гармоничное развитие человека: Традиции европейского образования / Сост., В. М. Кларин. М.: ИД Шалвы Амонашвили, 2018 (Антология гуманной педагогики). С. 113.

И уж точно у каждого из нас есть выбор: постараться жить так, как жил он, или сделать вид, что так жить невозможно.

Честно скажу: руки чешутся о нем рассказать.

Компьютер притягивает так, будто он – шашлык с картошкой, да еще с коньяком.

Так и хочется припасть.

Итак, знакомьтесь.

Иоганн Генрих Песталоцци – гений педагогики, который сумел построить свою жизнь так, как хотел сам, вопреки, казалось бы, непреодолимым обстоятельствам.

Мы начинаем.

Часть первая. Дом

«Я должен признать, – писал Песталоцци, – что не моя смертная плоть и кровь, не животное чувство человеческих желаний, а способности моей человеческой души, моего человеческого ума, равно как мои эстетические способности, есть то, что составляет человеческое в моей природе, или, что все равно, мою человеческую природу»⁵.

Вот такая у нас задача: понять человеческую природу величайшего в истории педагога. Воспитателя человечества.

Ничего себе задачка! Но, без сомнения, интересная.

Природа эта человеческая начала оформляться в родительском доме Песталоцци. С него и начнем.

Героев книг серии «ЖЗЛ», без сомнения, объединяет одно обстоятельство: все они когда-то родились.

Иоганн Генрих Песталоцци появился на свет 12 января 1746 года в Цюрихе.

Формальная фраза... Ан нет... В ней заключена весьма серьезная информация, необходимая для понимания нашего героя. Хотя, казалось бы: ну, родился человек в городе... И что? Большое дело! Кто только в городах не рождался...

Но это глубоко современный взгляд. В конце XVIII века

⁵ Песталоцци И. Г. Книга для матерей / Сост., вступ. ст., прим. А. В. Калинин-ченко. М.: Карапуз, 2009 (Педагогика детства). С. 123.

в Швейцарии тот, кто появился на свет в городе, уже имел преимущество лишь потому, что он – житель мегаполиса, а не деревни. Город имел власть над селом иногда бóльшую, чем помещик над крепостными. Чуть позже мы об этом подробнее поговорим.

Городской житель – уже почти знатный человек вне зависимости от того, сколько крейцеров позванивает у него в кармане. И когда в школе подростки подтрунивали над Песталоцци, считая его недостаточно богатым, они все равно относились к нему принципиально лучше, чем к крестьянским детям. Просто по праву рождения.

То, что Песталоцци – городского жителя – всю жизнь так, я бы сказал, – решительно волновала судьба крестьян, что он им помогал и столько для них сделал – чего, например, стоит создание народных школ – это, конечно, чудо, на которые столь богата судьба нашего героя. Впрочем, чуть позже попробуем хотя бы приблизиться к его разгадке.

Также важно, что наш герой родился не в каком-нибудь швейцарском городе, а именно в Цюрихе. Это не просто большой город с различными преимуществами, скажем, дающий возможность выбора разных учебных заведений, но и, как сейчас бы сказали, Цюрих был «революционной столицей» Швейцарии.

Дата рождения Песталоцци свидетельствует о том, что он родился накануне эпохи европейских переворотов, и революционные настроения родного города еще сыграют в судь-

бе нашего героя серьезную роль.

Вот, на самом деле, сколько информации можно получить из сухой фразы о дате появления на свет нашего героя...

Отец Песталоцци – Иоганн Баптист – был врачом, причем довольно известным в городе. Это значит, что семья жила в достатке.

Мать – Сусанна Песталоцци, урожденная Хотце, – дочь сельского пастора, тоже привыкшая с детства если не к богатству, то к определенному уровню достатка и комфорта.

Сусанна Хотце-Песталоцци получила религиозное воспитание, а это факт чрезвычайно важный для жизни нашего героя.

В семье Песталоцци родились трое детей. Помимо нашего героя, старший брат Иоганн Баптист, названный в честь отца, и младшая сестра Анна Варвара.

И тут, конечно, надо было бы начать много и долго рассуждать о том, как жила многодетная семья будущего гения педагогики, однако есть одно существенное «но»: об Иоганне Баптисте и Анне Варваре мы практически ничего не знаем.

Песталоцци оставил довольно много воспоминаний, в том числе и о жизни в родительском доме, однако о брате и сестре он не вспоминает практически никогда. Даже когда наш герой рассказывает о своем детстве, складывается ощущение, будто он был единственным ребенком в семье. Прихо-

дится сделать печальный вывод, что брат и сестра не сыграли в жизни Иоганна Генриха никакой роли.

По одним источникам, старший брат умер, когда Песталоцци был еще совсем мал, по другим – отправился искать счастья в Америку, где его следы и затерялись.

Анна Варвара рано вышла замуж за купца из немецкого города Лейпцига и потеряла всякую связь с братом. В своей жизни нашему герою не раз приходилось искать поддержки, в том числе и материальной, но к сестре он не обращался за помощью никогда.

Когда нашему герою исполнилось пять лет, его отец умер. Смерть оказалась быстрой и внезапной.

Незадолго до кончины в дом Песталоцци была взята служанка по имени Варвара Шмид, которую в семье иначе как Бабэль не называли.

Умиравший Иоганн Баптист подозвал служанку к постели и умолял ее не бросать жену и детей. Он был убежден, что Сусанна в одиночку не справится с хозяйством, дом погибнет, дети останутся на улице. В служанке Бабэль он видел спасение семьи и дома, больше обратиться ему было не к кому.

Бабэль выслушала просьбу хозяина молча, а потом... дала клятву, что не бросит семью никогда. По сути, перестанет быть служанкой, а превратится в члена семьи. Это было не просто обещание, а именно – серьезная клятва, данная у по-

стели умирающего.

Клятву свою Бабэль не нарушала никогда.

Песталоцци всегда и неизменно вспоминал о служанке с благодарностью и любовью, много писал о том, что она сыграла важную роль в воспитании того, как он стал воспринимать мир и самого себя.

Так что вполне можно сказать, что у нашего героя была своя Арина Родионовна – простая, мудрая женщина, полюбовавшая семью Песталоцци как родных и много давшая чужому, но горячо любимому ею ребенку.

Дом врача – дом, где всегда кипит жизнь: приходят, уходят больные; кто-то появляется пригласить доктора на прием; да и просто заходят друзья Иоганна Баптиста, чтобы пропустить рюмочку-другую и поговорить о жизни.

И вдруг все затихло. В доме поселилась тишина, что не сильно огорчало маленького Иоганна Генриха – с детских лет ему нравилась затворническая жизнь.

Гораздо хуже было то, что после смерти кормильца беззаботная жизнь закончилась, денег стало не хватать, экономить приходилось буквально на всем.

Но, как свидетельствует сам Песталоцци: «Как ни стеснительно жили в нашей семье, но почти всегда сверх сил старались покрыть так называемые расходы чести, и на них тратили несравненно больше, чем на все другое».

Что же такое «расходы чести»? Что означает это удиви-

тельное словосочетание?

Ответ находим у самого Песталоцци: «На чаевых, новогодних подарках и тому подобном не сэкономили»⁶.

Бабэль требовала в доме соблюдения абсолютной чистоты: и в комнатах, и в одежде. Малейшее пятнышко выводило ее из себя. Эту любовь к чистоте Песталоцци пронес через всю жизнь.

Вообще-то, как многие гении, наш герой был весьма и весьма рассеян. И чем старше становился, тем делался еще более рассеянным. В одежде его нередко присутствовал какой-нибудь беспорядок. Однако она всегда оставалась аккуратной и чистой.

Бабэль учила детей житейской мудрости. Песталоцци на всю жизнь запомнил, что за продуктами на рынок лучше ходить к закрытию – цены ниже. На улицу лишний раз тоже не следует выходить, чтобы не снашивать платье или сапоги: если к вещам относиться бережно – они отвечают взаимностью.

Когда в дом приходили гости, Бабэль старалась принять их достойно, непременно готовила какое-нибудь простенькое угощение. Она учила Песталоцци: любой человек, пришедший в дом, должен чувствовать, что ему не просто рады, но его приход поднимает у хозяев настроение.

Впрочем, гости в доме бывали нечасто. Сусанна Песта-

⁶ Песталоцци И. Г. Избранные педагогические сочинения. Т. 2. С. 339.

лощи приехала в Цюрих вместе с мужем из деревни Хёнг. Большим количеством знакомых обзавестись ей здесь не удалось, как, впрочем, не удалось и привыкнуть к суетливой городской жизни.

Поэтому основное время Сусанна проводила дома за чтением книг и беседами с детьми. Изредка она пыталась помочь Бабэль по хозяйству, но эта помощь только раздражала служанку.

Надо заметить, что в доме не было такого социального разделения: одна женщина приказывает, – вторая выполняет; одна прислуживает, – другая отдает распоряжения. Песталоцци видел двух женщин, которые любят детей и стараются обустроить жизнь в доме так, чтобы всем было хорошо.

Словосочетание «человек из народа» никогда не было для нашего героя пугающим, как для многих его городских сверстников. Оно имело образ вполне конкретного, мудрого и доброго человека – его служанки.

Как правило, понимая, что в детстве формируется характер человека, мы почему-то куда реже отдаем себе отчет в том, что в эти годы закладываются и критерии нашего отношения к жизни. Именно в детстве вырабатываются законы наших взаимоотношений с миром, и менять их потом бывает очень тяжело.

Стал бы Пушкин таким, каким стал, без взаимной нежности с крепостной Ариной Родионовной? Подозреваю, это был бы какой-то другой человек с иными взглядами.

Стал бы Песталоцци тем, кем стал, если бы с детства не видел, что люди объединяются не по сословному принципу, а по душевной привязанности? Не знаю, не уверен. Но этот понятный и, я бы сказал, прожитый в детстве вывод, безусловно, был важен для его дальнейшей жизни.

Однажды на улице Песталоцци увидел, как пьяный мужик бьет мальчишку. Не раздумывая, бросился на помощь ровеснику и буквально отбил его от пьяницы. Но в драке порвал куртку.

(Надо заметить, хотя бы в скобках: привычку немедленно бросаться на помощь тому, кто в ней нуждается, наш герой пронес через всю жизнь.)

Песталоцци пришел домой, ожидая серьезного нагоняя от Бабэль. Первым делом все рассказал маме – та его пожалела, ругать не стала. Но предстояла встреча с Бабэль, которая – напомним – не разрешала лишний раз выходить на улицу, чтобы не изнашивать одежду...

Однако Бабэль спокойно выслушала историю, ни слова не сказав, поцеловала мальчика и пошла чинить куртку. Песталоцци с детства знал, что одежду можно выбрасывать только тогда, когда она становится уже совершенно непригодной.

Наш герой воспитывался в абсолютной любви двух женщин. Любовь эта становилась тем сильнее, чем больше болел Песталоцци. К нездоровым детям всегда, как известно, относятся с большей нежностью. А болел маленький Иоганн

Генрих часто, чтобы не сказать – все время. Его редко ругали. С ним всегда разговаривали, старались ответить на любой вопрос. Он всегда чувствовал заинтересованный интерес и мамы, и Бабэль.

То, что мы видим в детстве, на всю жизнь остается для нас нормой. Будущий великий педагог рос с твердым убеждением: уважать ребенка – это нормально. Согласитесь: важный вывод для того, кто решил посвятить свою жизнь педагогике.

Мы часто боимся избаловать своих детей и почему-то совершенно не боимся их недолюбить. Согласитесь, существует у нас, родителей XXI века, такая позиция. Так вот, величайший педагог мира был воспитан в абсолютной любви и вырос не то что не избалованным, а довольно жестким, твердым, убежденным человеком, умеющим преодолевать такие серьезные препятствия, которые иного могли бы запросто уничтожить.

Много лет назад я встречался с одним из самых известных наших литературных критиков Игорем Золотусским⁷, и он рассказал мне историю своего детства.

В годы сталинских репрессий, когда Игорю Петровичу было пять лет, у него арестовали родителей, а его самого отправили в детский дом, жизнь в котором началась с того, что

⁷ Не могу не отметить, что книга И. П. Золотусского о Гоголе в серии «ЖЗЛ» в свое время оказала на меня огромное воздействие. *(Примечание редакции).*

воспитанники жестоко избили новичка: им не понравилась матроска, в которую он был одет.

Так вот Игорь Петрович был убежден: он сумел пройти через все испытания, что называется, – не скурвится, а стать одним из самых известных литературоведов в стране, профессором, доктором наук, лауреатом множества премий только потому, что в первые пять лет жизни ему были даны невероятные любовь и нежность. Они остались опорой на всю жизнь.

Любовь и нежность воспитателей, в первую очередь родителей в детские годы – это не то, что балует маленького человека, но то, что воспитывает в нем любовь и уважение к самому себе – надо сказать, важнейшие качества для преодоления будущих жизненных невзгод.

Нашего героя жизнь тоже трепала так, что не приведи господи... Нежность и любовь, которые он получал в материнском доме являлись той самой опорой, которая спасала всегда.

В детстве Песталоцци приучали, в сущности, к двум занятиям: читать и думать. И, надо сказать, приучили успешно.

Позже к ним прибавилось еще одно любимое дело: писать. «С колыбели я был слаб и болезнен и уже в раннем возрасте отличался большой живостью некоторых способностей и склонностей»⁸, – пишет о себе сам Песталоцци.

⁸ Песталоцци И. Г. Избранные педагогические сочинения. Т. 2. С. 336.

В детстве главным занятием Песталоцци была болезнь. Он болел непрерывно. А что делает городской ребенок конца XVIII века из семьи, которую мы сейчас назвали бы «служащими» или «интеллигентами», который много болеет? Правильно: он много читает.

Давайте сразу выясним вот какой вопрос. Некоторые исследователи корят Песталоцци за то, что он-де не очень хорошо читал и был не слишком грамотен.

По поводу грамотности, – да, есть доля правды. Как ни парадоксально, но великий педагог и писатель в рукописях, даже своих знаменитых произведений, делал ошибки как грамматические, так и синтаксические. Как известно, существуют люди, у которых – природная грамотность, наверное, придется признать, что есть и те, у кого природная безграмотность.

Эта особенность никогда не мешала Песталоцци много и с удовольствием писать. «На некоторые опыты моих языковых упражнений я извел целые стопы бумаги»⁹ – так вспоминает наш герой годы учебы в институте.

Что касается чтения, то это было главное занятие в детстве нашего героя. Есть свидетельства, что он не очень хорошо читал вслух – может быть... Однако детство, во многом вынужденно, было отдано книгам, с которыми наш герой проводил иногда целые дни.

⁹ Песталоцци И. Г. Избранные педагогические сочинения. Т. 2. С. 342.

Читать умел и любил.

Что же именно читали европейские дети в те годы? На каких книгах рос будущий великий педагог?

Главные, разумеется: Библия и Жития святых.

Сусанна Песталоцци – напомним, дочь пастора – была набожной, в таком же духе воспитывала и своего сына, поэтому Библия была его первой книгой, и к ней он возвращался всю жизнь.

Песталоцци воспитывали как глубоко верующего человека.

(О его деде пасторе, который имел на нашего героя огромное влияние и во многом сформировал его, мы в свой черед непременно расскажем.)

Неколебимая вера в Бога, абсолютное доверие Ему, твердое убеждение в том, что все происходит по Его воле – не просто помогали Песталоцци, но были основой, если угодно, фундаментом его жизненных взглядов. Подозреваю, что без этого он не преодолел бы всего, что преодолел, и не достиг бы в конечном итоге всего, чего достиг.

Однако ведь не Библией единой...

В то время как раз появились ставшие классикой «Робинзон Крузо» Даниеля Дефо и «Путешествие Гулливера» Джонатана Свифта. Причем почти сразу как издания для взрослых, так и детские, с красивыми иллюстрациями.

За 30 лет до рождения Песталоцци появилось дешевое из-

дание сказок «Тысяча и одна ночь» и сразу стало очень популярным. Так же как и басни Эзопа.

Однако всегда важно не забывать, в какую эпоху жил наш герой. А в те годы привычка читать художественную литературу еще только начала прививаться детям.

Была популярной и, если угодно, модной поучительная и даже – нравоучительная литература. Например, адаптированные для детей произведения Цицерона. Или книги, названия которых не нуждаются в комментариях: «Дружеские советы молодому человеку, начинающему жить в свете», «Советы старца», «Книга о должностях человека и гражданина». И тому подобное.

Честно говоря, мне всегда казалось, что известная фраза Владимира Высоцкого: «Значит, нужные книжки ты в детстве читал!» – все-таки излишне категорична. Не кажется мне, что литература влияет на формирование человека решающим образом. (Рад был бы ошибиться.)

И все-таки книги, прочитанные в детстве, невозможно просто так сбрасывать со счетов. Тем более если они долгое время составляют основное содержание жизни человека. Ведь именно за книгами, да еще за разговорами с мамой и Бабэль маленький Иоганн Генрих и проводил почти все свое время.

Наш герой не любил всего того, что любят мальчишки во все времена: бегать во дворе, драться, играть, хулиганить...

Эти радости его не вдохновляли.

Так и хочется сказать: Песталоцци вырос в одиночестве. Но разве это правда? Ведь рядом всегда были мама и Бабэль.

Он рос в любви и понимании. Взрослел с ощущением, что всегда интересен двум женщинам. Иоганн Генрих мог поделиться с мамой и Бабэль всем, что его волновало. И если считать, что одиночество человека – это невостребованность его души, то можно с уверенностью утверждать: в детстве наш герой одиноким не был.

В те годы многие родители, особенно в малообеспеченных семьях, заставляли своих детей работать с самого раннего возраста. Учитывая, что семья Песталоцци всегда нуждалась в деньгах, такое могло случиться и с нашим героем.

Не случилось. Его любили. Жалели. С ним много и подолгу разговаривали, что не очень-то свойственно для семейного воспитания в те годы, да и в наши, честно говоря, тоже.

Несмотря на то, что Песталоцци рос без отца – как сказали бы сегодня, в неполной семье – он с детства усвоил, сколь необходимо ребенку внимание и понимание. Дом дал ему весьма наглядный пример того, каким должен быть настоящий родитель.

Позже, вспоминая свою детскую жизнь, Песталоцци напишет: «Я рос под неусыпными взорами лучшей матери, маменькиным сынком, более, чем кто-либо другой; я видел свет только в небольшом пространстве комнаты моей мате-

ри, а потом в столь же ограниченном пространстве училищной комнаты; действительная человеческая жизнь была мне столь же чужда, как будто я вовсе не существовал в том мире, в котором жил»¹⁰.

Обратите внимание: Песталоцци кажется, что та жизнь, которую он проживает, как бы не *действительно* человеческая. Мол, где-то существует настоящая, нормальная, а эта – не такая. Другая. Непохожая. Отдельная.

Это ощущение отдельности и непохожести своей собственной жизни на существование других останется у Песталоцци навсегда. Он всегда хорошо понимал, что существует не так, как принято; совершает поступки, которые многие считают сумасбродными. Был даже период, когда его всерьез считали сумасшедшим.

Но иначе Иоганн Генрих Песталоцци жить не мог.

Книги. Мама и Бабэль. Разговоры. Мечтания. Болезнь. Закрытое пространство, из которого ты если и можешь выйти, то лишь благодаря фантазиям.

Мир, в котором внешне не происходит почти ничего, однако внутренняя жизнь здесь насыщена и интересна.

Мальчик-читатель, проживающий чужие жизни и отождествляющий их со своей собственной.

Мальчик-отшельник, для которого уют и доброта дома

¹⁰ Цит. по: Абрамов Я. В. И. Г. Песталоцци: Его жизнь и педагогическая деятельность: Биографический очерк // Жизнь замечательных людей: Биографическая библиотека Ф. Павленкова / Сост., общ. ред. Н. Ф. Болдырева. Челябинск: Урал, 1997 (Биографическая серия: 1890–1915). С. 18.

легко и без проблем заменяли все то, что может дать окружающий мир.

А потом наступало лето. И мальчика отвозили в мамину деревню Хёнге к дедушке Андреасу.

Этот сельский пастор сыграл в судьбе нашего героя определяющую роль.

Андреас Хотце своего внука обожал.

Надо сказать, что в те годы в Швейцарии к женщинам относились... как бы это сказать помягче?.. без должного уважения. Они должны были рожать детей, вести хозяйство, дом. И – не более. Ни их мнение, ни они сами окружающих, в том числе и родителей, не сильно волновали.

Когда, много позже, Песталоцци напишет, что у женщины есть великое предназначение быть матерью, – это прозвучит как абсолютно революционный, во многом – абсурдный и неясный вывод. Слова «женщина» и «великое предназначение» в умах современников Песталоцци соединились трудно.

Замечу, что называется *à propos*, что женщины Швейцарии – государства, которое мы все считаем образцово демократическим – получили право принимать участие в государственных выборах – внимание! – лишь 31 октября 1971 года!

Короче говоря, к девочкам родители относились без особого интереса. У Андреаса, правда, был сын, дядя Иоганна

Генриха, но именно во внуке сельский пастор увидел человека, с которым он должен делиться своими самыми взглядами и главными выводами и которому должен передать весь свой опыт. Именно его Андреас воспринимал как наследника.

Известно, человек часто выбирает ту или иную профессию, когда видит перед глазами пример замечательного учителя. Сколько молодых людей стали физиками, математиками, литераторами, потому что влюблялись в своих педагогов.

Андреас Хотце для нашего героя стал именно таким примером для подражания – настоящим, подлинным учителем.

Первое, что делал дедушка, когда к нему приезжал маленький внук, мыл его и кормил. Пройдут годы. Сироты, беспризорники, брошенные дети будут приезжать в учебное заведение, открытое Песталоцци. Первое, что он будет делать – мыть их и кормить. Конечно, это не более чем бытовая мелочь. Но весьма символичная, как мне представляется.

Не худо бы заметить, что в те годы священники являлись одними из самых образованных людей. А в деревне Хёнге (ныне один из районов Цюриха) Андреас был, без сомнения, самым знающим человеком.

Пастор в небольшой деревушке – не просто священник, который служит в церкви. К нему приходили за советами, иногда – чтобы разрешить спор.

Маленький Иоганн Генрих всегда был свидетелем этих разговоров, и его умение слушать, убеждать, объяснять –

корнями именно отсюда.

Дедушка Андреас был человеком не только образованным, но и умным. Он не забивал голову внука разными книжными истинами. Вовсе нет!

Андреас много гулял с Иоганном Генрихом и серьезно, подробно, я бы сказал – уважительно отвечал на любые вопросы, которые приходили в голову внуку.

Почему восходит солнце? Почему растет трава? Почему вода бывает жидкой и твердой, а еще из нее получается туман?¹¹

Учение происходило в разговорах, тему которых задавал маленький Иоганн Генрих. Тогда еще, разумеется, Песталоцци не думал ни о каком методе природосоответствия, но я убежден: метод этот начал зарождаться в душе и разуме Песталоцци именно после общения с дедом.

В те годы внук просто слушал деда и радовался тому, как, оказывается, интересно познавать мир.

Дети любопытны от природы, и, значит, задача педагога – это любопытство поддерживать. У ребенка всегда есть вопросы – главное, не отмахиваться от них, а всерьез отвечать, рассуждать над ними, как над самыми главными проблемами человеческой жизни.

Главный вывод: получение знаний – процесс естествен-

¹¹ Интересно, что позже Песталоцци придет к выводу, что первый шаг к постижению ребенком природы – это понимание им разных свойств именно воды.
(Примечание редакции)

ный. Природосообразный. Задача педагога: жажду знаний, которая заложена в человеке Богом (Природой), развивать, а не уничтожать.

Все это Иоганн Генрих Песталоцци, разумеется, поймет позже. Но такое понимание не пришло бы без этих прогулок с дедом.

Андреас познакомил Песталоцци с жизнью сельских бедняков...

Подождите, подождите, друг-читатель! Ну, пожалуйста, не пробегайте этой фразы. Куда вы все время спешите?

Это очень важная фраза. То, что в ней заложено, определило мироощущение нашего героя на долгие-долгие годы.

Понимаете, какая история: жизнь сельских бедняков для городского мальчика того времени была не просто чуждой, но абсолютно далекой и совершенно неведомой. Нельзя сказать, что маленький Иоганн Генрих о ней ничего не знал, но... Как бы лучше сказать? Какой бы пример привести?

Мы, жители 20-х годов XXI века, знаем, что у нас в городах живут гастарбайтеры, однако согласимся, что довольно туманно представляем себе их жизнь.

Примерно так.

Для того чтобы понять, какой переворот произошел в душе нашего героя, благодаря тому что он увидел, как живут сельские жители, нам придется немного отвлечься от плавного, надеюсь, течения нашего повествования, для того что-

бы хоть немного разобраться в том, как взаимодействовали город и деревня в конце XVIII века в Швейцарии.

Это важно. Потому что, не осознав ушедшее навсегда время, очень трудно разобраться в человеке, который жил в эту неясную для нас эпоху.

Прошрое всегда загадочно. И если мы применяем к нему законы и взгляды сегодняшнего дня, нам его не разгадать. Поэтому имеет смысл посмотреть – как оно было тогда.

Нелирическое отступление № 1

Надо заметить, что в Швейцарии не было крепостного права в привычном нам виде, когда злой и нехороший помещик угнетает несчастных крестьян, которые, по сути, являются его рабами.

С ролью «злого помещика» прекрасно справлялся город, угнетающий крестьян так страстно и неистово, как никакой Салтычихе и не снилось.

Деление на городских и сельских жителей являлось жестко узаконенным. Метафорически говоря: город – помещик, крестьянин – раб. Хотя эта метафора не так уж и далека от реальности: зависимость сельских жителей от города без преувеличения можно назвать абсолютной.

Что означает «жестко узаконенное деление»? То есть законы, которые, понятно, принимались в городе, – были таковы, что село находилось под абсолютной властью метрополии.

Несколько примеров.

Крестьяне имели право заниматься только земледелием. Торговля и ремесло – а именно то, что приносит большой доход – прерогатива горожан.

Кажется невероятным, однако крестьяне имели право продавать то, что производят, только горожанам, односельчанам – ни-ни.

Представьте себе: если крестьянину понадобились хлеб или головка лука – он не имел права зайти к соседу и купить у него. Обязан был ехать в город и приобретать там.

В реальности, понятно, бывало по-всякому. Но закон таков. И если, скажем, крестьянин заходил к соседу купить краюху хлеба, тот не просто мог, но обязан был на него пожаловаться.

Зачем это делалось? Потому что цены на товары назначал город, чтобы была возможность зарабатывать, ничего не производя.

Как это работало на практике?

Крестьянин привозил в город, скажем, вино. Городской продавец покупал у него за те деньги, которые хотел, а потом продавал за те деньги, которые желал. Надо ли добавлять, что продавал сильно дороже, чем покупал? И это не спекуляция – все по закону!

С детства обученный стрелять из охотничьего ружья, сельский житель, тем не менее, не имел права охотиться самостоятельно. Он мог лишь помогать на охоте горожанам, в робкой надежде, что они поделятся с ним добычей. Захотят – поделятся, нет – извини, по закону не обязаны.

А как вам понравится закон, согласно которому крестьянин не имел права белить или красить собственную одежду? Ходил в небеленой и некрашеной. Если, скажем, швейцарская крестьянка хотела покрасить свое платье или даже просто отбелить его, она обязана была продать его в городе, там

его красили, а потом она покупала собственное покрашенное платье по значительно более высокой цене, чем продала. Подчеркиваю: собственное платье, сшитое ею же самой.

Все это очень смахивает на издевательство, но было – так!

Из учебников истории – кто помнит – нам известно: в это время в Европе, в том числе и в Швейцарии, бурно развивалась промышленность. Что, с одной стороны, вело к обнищанию крестьян, но с другой – давало возможность переехать из села в город, чтобы работать на новых предприятиях.

Почему же крестьяне делали это крайне неохотно?

Город пугал.

В свое время я беседовал с выдающимся ученым Александром Михайловичем Панченко, и он очень интересно и точно объяснил мне, чем принципиально отличается психология городского жителя от сельского.

Человек села – это универсальный работник, ремесленник на все руки. Сельская жизнь диктует необходимость делать все: возделывать землю, пасти скот, столярничать, готовить пищу, воспитывать своих детей и много другого. И вот такой человек попадает в город, где все ремесла жестко поделены между профессионалами. Где нужно научиться делать что-то одно, но очень хорошо, много лучше других. Тяжелая история.

И вообще, легко написать: переехать из села в город. Человек вообще с большим трудом меняет свои привычки. Изменить привычный образ жизни – наверное, самое трудное

для человека.

Просто представьте себе: твои деды, прадеды, прапрадеды и так далее жили *так*. Легко ли тебе решиться и начать жить *иначе*? Бросить дедовский дом, хозяйство, трудный, но привычный уклад... Практически – житейский подвиг, на который способен вовсе не каждый.

Швейцарские крестьяне привычно мучились в своих деревнях.

Они привыкли быть рабами и не очень верили в то, что у них может быть иная жизнь и что кто-то станет относиться к ним, как к людям.

И вот – повторим – дед познакомил своего внука с этой неведомой жизнью, если угодно – с космосом, который в те годы, признаемся, мало кого интересовал.

Пастор Андреас любил своих прихожан. Называл всех по имени. Знал их нужды и проблемы. Старался помочь – где советом, а иногда и лишним крейцером.

Он не только не берег своего внука от этих проблем, но будто специально – а может, действительно специально – окунал его в это тяжелое, подчас жестокое существование.

Маленький Иоганн Генрих был потрясен.

Слово «нежность», то, которое определяло все его детство, – тут не знали вообще. Ни такого слова, ни понятия просто не существовало.

Маленькие дети – его ровесники – да, ходили в школы

катехизиса, где их учили Закону Божьему, немного читать, немного писать, чуточку считать... Но эти знания казались совершенно лишними. С раннего возраста – иногда с пяти-шести лет – дети денно и ночью трудились, в полном смысле слова – работали на износ.

Преодолевая страх и робость, юный Песталоцци пытается говорить с ровесниками. Некрасивые, страшные, грязные маленькие люди. Но агрессии в них нет. Впрочем, и любопытство тоже отсутствует. На лицах его ровесников читается одно: вечная усталость.

На свете существуют дети, не знающие радости... Одно из главных детских открытий будущего великого педагога.

В те годы само общение городского жителя с деревенским – именно общение, разговор, беседа – считалось и зазорным, и глупым делом. Деревенские – люди второго сорта – о чем с ними можно говорить? Что они знают? Какой интерес может быть в этих, с позволения сказать, беседах?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.